

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.4.03

УДК 111.852

ЭСТЕТИКА ГИБРИДОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ «ЧИСТЫХ» ФОРМ ОПЫТА

О.С. Мышкин

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6850-3929>

Рассматриваются изменения, которые может и должна претерпеть эстетика в связи с возможной трансформацией человеческой телесности. Вплоть до начала XX века роль теоретической основы эстетики с успехом исполняло учение И. Канта, который, по словам Ж. Делёза, разделял, с одной стороны, теорию чувственного восприятия как формы возможного опыта, а с другой – теорию искусства как опыта реального. Очевидно, что такое разделение, окончательно закрепившее то, что Б. Латур назвал Новременной Конституцией, которая, в свою очередь, предполагает онтологическое превознесение человека над нечеловеческой реальностью, стало главным препятствием на пути создания эстетики, способной на равных основаниях охватить чувствование всех видов актуальных сущностей. В конце XIX – первой половине XX века такие философы, как А. Бергсон и У. Джеймс, стремились преодолеть дуалистический раскол между человеком и миром посредством описания генезиса и структуры опыта. Однако в их случае оставалась проблема, что опыт, который они описывали, был исключительно опытом одного-единственного вида сущих – опытом человеческих существ. В начале XX века английский философ и математик А.Н. Уайтхед разработал проект философии организма, которую можно охарактеризовать как трансцендентальный эмпиризм. По сути, преобразуя трансцендентальную эстетику И. Канта, Уайтхед стремится к тому, чтобы предметом философского рассмотрения стало чувствование всех без исключения видов сущих. И поскольку чувствование в доктрине Уайтхеда является фундаментальной характеристикой любой актуальной сущности, его учение может рассматриваться как «фундаментальная эстетика», то есть такая философия, которая рассматривает все процессы, протекающие во Вселенной, как то, что происходит внутри опыта отдельных, частных актуальных сущностей. Тем не менее доктрина Уайтхеда, будучи по своему характеру общим абстрактным описанием чувствования актуальных сущностей, лишь задает концептуальные рамки эстетики qua онтологии. Следовательно, она оставляет свободное пространство для разработки частных эстетик отдельных видов сущих. В свете изменений, которые человеческая телесность и, следовательно, опыт претерпевают в результате развития биоинженерии, генетики и смежных с ними дисциплин, актуальной становится задача разработки эстетики гибридов, то есть сущностей, соединяющих в своей работе действие актантов различной природы, как людей, так и нечеловеков. Намечить некоторые подходы к решению этой задачи – цель данной статьи.

Ключевые слова: эстетика, модерн, квазиобъекты, гибриды, актуальные сущности, нечеловеческое, ужас, А.Н. Уайтхед.

HYBRID'S AESTHETICS: CONCEPTUAL DEVELOPMENT OF THE "PURE" FORMS OF EXPERIENCE

Oleg S. Myshkin

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6850-3929>

The article explores changes that aesthetics can and should undergo with respect to the potential transformation of the human corporeality. The doctrine of Immanuel Kant who, according to Gilles Deleuze, splits aesthetics to the theory of sensual perception as a form of possible experience on the one hand and the theory of art on the other hand, was a theoretical basis for aesthetics until the early twentieth century. This split, of course, became the main obstacle to creation of the aesthetics capable of equal considering of all kinds of actual entities feelings, because it reinforces what B. Latour called the Modern Constitution, which, in its turn, implies the ontological privileging of human beings over inhuman reality. Such philosophers as A. Bergson and W. James sought to overcome the dualistic split between a human and the world by describing the genesis and structure of experience at the end of XIX – first half of XX centuries. But they did not resolve the problem by describing of only one kind of entities experience: the experience of human

beings. At the beginning of the twentieth century, the English philosopher and mathematician A.N. Whitehead developed his project for the philosophy of organism that was later characterized as transcendental empiricism. In fact, transforming Kantian transcendental aesthetics he aimed to ensure that the subject of philosophical consideration was the feeling of all types of entities without exception. And for feeling is the fundamental property of any actual entity in Whitehead's doctrine, we can consider it as "fundamental aesthetics", that is, as a philosophy considering all the processes taking place in the Universe as what happens in the experience of individual, particular actual entities. Nonetheless, Whitehead's doctrine sets only the conceptual framework of aesthetics as ontology being general abstract description of the feeling of actual entities. Therefore, it opens a space for the development of particular aesthetics of certain types of beings up. In light of the changes that human corporeality and therefore human experience is undergoing as a result of the development of bioengineering, genetics and related sciences, it becomes urgent to create the hybrid's aesthetics that is aesthetics of entities incorporating in their functioning the work of different actants, both human and nonhuman. The main task of this article is to outline some approaches to solving this problem.

Keywords: aesthetics, Modernity, quasi-objects, hybrids, actual entities, nonhuman, horror, A.N. Whitehead.

Даже если «вещь в себе» непостижима или непознаваема, тем не менее она определенным способом аффицирует нас. И путем передачи и выражения «способа, каким на нас оказывается воздействие», пространство и время устанавливают имманентные некогнитивные отношения между объектами, между объектом и субъектом и между субъектом и им же самим. Такие аффективные связи присущи протеканию любого опыта в пространстве и времени.

С. Шавиро. Вне критериев

1. Модерный раскол и единство опыта

Наследие Модерна упорствует. Оно продолжает диктовать нам такой способ отношения к сущностям (entities), при котором они предстают в виде пассивных фиксированных субстанций, определяемых их качествами или «сущностными» (essential) свойствами. Вещь (в значении *res* [1, с. 6 и далее], *thing*) распостерта на операционном столе и зафиксирована жесткими путями пространства и времени. С внутренней дрожью анатома-самоучки, готовящегося к вскрытию своего первого, тайком принесенного с кладбища для бедняков трупа, модернистский ученый-философ приступает к определению и характеристике новой, ранее неизвестной сущности, будь то животное, вирус или частица материи. Любое определение, претендующее на научность, согласно порядку, закрепленному в *Конституции Модерна* [2, с. 75], с необходимостью опирается на локализацию вещи «в определенной конечной области пространства и посредством определенной длительности во времени, вне зависимости от какого бы то ни было сущностного отношения этой частицы вещества к другим областям пространства и к другим временным длительностям» [3, с. 81]. Формальные ограничения, наложенные – или скорее очерченные и закрепленные – трансцендетальной эстетикой Канта, с этого момента превращаются в непреодолимый разрыв, или пространственный и временной зазор (*gap*), отделяющий познающего субъекта от вещи-в-себе. На деле же нормативный и законодательный жест немецкого философа отнюдь не гарантировал защиты от неожиданных (*surprising*) проникновений реальности *как таковой* в область феноменального, оставляющих после себя гноящиеся шрамы на теле реальности *человеческой*. Очевидно, это было ясно уже самому Канту: в «Критике способности суждения «все способности ума выходят за свои пределы, за те самые пределы, которые Кант столь тщательно фиксировал в своих книгах зрелой поры» [4, с. 6]. Тем не менее в обстоятельствах повсеместного *догматического* истолкования *критического* проекта Канта дистанция разрыва поддерживалась искусственным образом, и хотя ее установление и было необходимым для решения ряда задач, стоявших перед философией и наукой в XVIII – первой половине XIX века, онтологический статус самой этой дистанции стал для послекантовской философии главной проблемой.

Кроме того, как мы помним, в начале века двадцатого на пути развития большинства частных наук, прежде всего физики, а равно и самой философии, возникли проблемы, решение

которых требовало поиска обходных путей, позволяющих смягчить действие тезиса о *неданности* вещи как таковой и одновременно не попасться на приманку наивного реализма. И если в философии уже имели место определенные наработки (здесь следует упомянуть имена А. Бергсона, У. Джеймса, С. Александера), позволяющие сделать первые шаги к немодерному пониманию αἴσθησις'a, то в физике возникли значительные затруднения, связанные, в частности, с интерпретацией квантовой механики и отдельными аспектами общей теории относительности. В 1905 году А.Н. Уайтхед выступил с докладом «О математических понятиях материального мира» [5], в котором выдвинул аргументы против классической ньютоновской концепции пространства и времени, оформленные математически, что, по сути, означало зарождение космологии, альтернативной по отношению к общепринятой космологии Ньютона. Как пишет Т.С. Бушуева в монографии «Философия науки А.Н. Уайтхеда», в данном докладе «[с]вою задачу автор [Уайтхед] видит в том, чтобы придать надлежащую математическую форму «монистической» концепции относительности пространства Лейбница. Следовательно, уже в это время Уайтхед предпочитает монизм разнообразным формам дуализма, что и составляет исходный пункт всей философской работы Уайтхеда [6, с. 10]. Дуалистический раскол, о котором идет речь, может предстать в разных формах: это зависит от того, из какой исследовательской перспективы мы исходим. В наиболее общем гносеологическом аспекте он проявляется в том, что Уайтхед называет раздвоением, или бифуркацией, природы «на две системы реальности»: на царство «молекул и электронов» и царство ментальных феноменов («вторичных качеств» Локка)...» [3, с. 42–43]; [7, с. 30–31]. В естественно-научном аспекте он проявляется в том, что Уайтхед называет «ошибкой простого местонахождения» – тезисе, приведенном в начале данной статьи и предписывающем локализовывать любой объект в определенной конечной области пространства и посредством определенной длительности во времени. В аспекте специфического *способа* схватывания, или прегензии, каким является чувственное восприятие реальности человеческими существами, раскол вылился в трансценденталистское разделение вещи-для-нас и вещи-в-себе, что привело к появлению на месте единой эстетики двух различных отраслей философского знания. Как отмечает Ж. Делёз, «эстетика страдает прискорбным раздвоением. С одной стороны, этим словом обозначают теорию чувственного восприятия как формы возможного опыта, а с другой – теорию искусства как отражения реального опыта. Чтобы связать оба эти смысла, условия опыта вообще должны стать условиями реального опыта...» [8, с. 338]. Уайтхед, как было сказано выше, стремился преодолеть этот раскол во всех его аспектах. В данной статье мы сосредоточимся на аспекте эстетическом.

Резюмируя позицию Уайтхеда в книге «Вне критериев», американский философ С. Шавиро выражает суть того, что Ж. Делёз называет «трансцендентальным эмпиризмом» [3, с. 70–71]. Следуя за Уайтхедом, Шавиро предлагает предпринять философский эксперимент – поставить трансцендентальный эмпиризм на место трансцендентального идеализма. Перечислим лишь некоторые из преобразований, предлагаемых в рамках данного проекта:

1. Замена ноуменального субъекта Канта *суперъектом* – таким типом «субъекта», который располагается «не в начале продуктивного процесса желания, а в его конце. <...> Суперъект приходит, скорее, после процесса сотворения, нежели перед ним, и испытывает «удовлетворение» (satisfaction) [9, с. 825–26], или «самоосуществление» (self-enjoyment) [9, с. 145, 289], именно потому, что сам он является продуктом удовлетворения. Как для Уайтхеда, так и для Делёза и Гваттари такая инверсия подразумевает движение от мира к самости (а не от самости к миру, как было у Канта) ...» [3, с. 25]. Цель Уайтхеда заключалась здесь в ослаблении иерархии уровней сущего, в которой рациональный субъект модерна был над-стоящей, привилегирован-

ной инстанцией, а объект – подчинен ему. Как пишет Шавиро, «Уайтхед критикует Канта (как и других философов XVI–XVIII веков) за то, что тот являет “избыток субъективности”. <...> Приписывая категорию «спонтанности [нашей способности] познания», Кант, по существу, вновь утверждает cogito – картезианский субъект, отдельный от мира, который только наблюдает его с некоторого расстояния, будучи не обусловленным миром и тайно возвышаясь над ним. Если Кант в разделе «О паралогизмах чистого разума» уничтожает всякую возможность претензии картезианского ego на субстанциальность, он тем не менее сохраняет его в призрачной форме «трансцендентального единства апперцепции», сопровождающего всякий акт познания» [3, с. 70].

2. Переоценка онтологического статуса трансцендентальных предпосылок опыта, зафиксированных И. Кантом. Как пишет С. Шавиро, «Даже основные „формы созерцания“ Канта, – говорит Уайтхед, – должны выводиться из актуального мира qua datum [как данности – лат.], и они не „чисты“ в том смысле, каким этот термин наделял Кант» [9, с. 72]. В соответствии с данным требованием трансцендентальные предпосылки опыта должны быть процессами, а не неподвижными логическими категориями» [3, с. 71]. <...> Пространство и время суть имманентные условия чувственного созерцания: они намечают способы, какими мы воспринимаем те «данные», которыми обеспечивают нас объекты, а не логические категории, которым объекты, осуществляющие непосредственные воздействия, вынуждены соответствовать» [3, с. 72].

Переворачивая *критический* проект Канта и превращая его в проект *конструктивистский*, Уайтхед намечает, в частности, и возможный способ решения проблемы, с которой впоследствии столкнутся Делёз и Гваттари – проблемы параллельного существования «двух эстетик». Пересматривая онтологический статус пространства и времени, опрокидывая их на план имманентности, Уайтхед сокращает или даже упраздняет дистанцию разрыва между условиями *возможного* опыта вообще и условиями *реального* опыта актуальных сущностей. С точки зрения английского мыслителя, «Вся Вселенная состоит из элементов, раскрываемых в опыте субъектов» [9, с. 252]. Применительно к такому типу актуальных сущностей, как человеческие существа, это означает, что «Осознавая телесный опыт, мы тем самым должны осознавать моменты всего пространственно-временного мира, отражающегося в жизни тела»; «в некотором смысле можно сказать, что все во все времена находится везде. Ибо всякое место включает некоторый аспект самого себя, присущий любому иному месту. <...> Вы воспринимаете вещи, находясь в некотором месте. Ваше восприятие происходит там, где находитесь вы, и оно полностью зависит от того, как функционирует ваше тело. Но это функционирование тела в некотором месте представляет вашему познанию какой-то аспект удаленного окружения, и это постепенно переходит в общее знание о том, что существуют внешние предметы. Если такое познание сообщает нам знание о трансцендентном мире, то это должно происходить потому, что жизнь тела [курсив наш. – О.М.] объединяет в себе аспекты Вселенной» [10; 11, с. 114].

Приведенные выше положения, высказанные отечественным исследователем Манекиным, достаточно хорошо отражают смысл теории опыта Уайтхеда, однако такое решение проблем эстетики содержит в себе и скрытую угрозу. Ведь если физическое схватывание признается первичным видом прегензии, то применительно к человеческим существам это, помимо прочего, означает, что наличие жесткой привязки опыта к телесности само по себе неизбежно должно породить проблемы в обстоятельствах, когда мы уже перешагнули порог эпохи свободной модификации тел, киборгизации и широкого применения генной инженерии. Наука готова к радикальным трансформациям тела и уже осуществляет их, но кто может предсказать, какого рода трансформирующее воздействие эти практики окажут на восприятие, или, иными словами, как изменится способ (manner) концептуального схватывания мира человеческими существами

(или теми сущностями, которые придут им на смену)? Хотя широко обсуждаемый сегодня тезис Стивена Хокинга о приходе сверхчеловека (на сей раз – на вполне реальной технической и биологической основе), о концентрации экономических и технических возможностей модификации человеческой природы в руках ограниченных групп и корпораций, что неизбежно повлечет за собой превращение обычных людей в расу рабов [12], кажется алармистским, это отнюдь не означает, что факторы, о которых идет речь, не окажут на человеческую природу радикального воздействия. И определение того, каким образом будет трансформирован способ восприятия и, шире, отношение искусственно трансформированного человека к его окружающей среде, является одной из первоочередных задач современной философии.

Прежде чем перейти ко второй части статьи, в которой мы предпримем попытку проиллюстрировать предложенное Уайтхедом концептуальное расширение трансцендентальных форм опыта на конкретном художественном примере, необходимо сделать важное замечание. Следует помнить, что предложенные Уайтхедом изменения никоим образом не предполагают отказа от трансцендентальной эстетики Канта: они лишь проясняют и развивают те моменты, которые были намечены самим Кантом, но оставлены им – в силу объективных условий времени, в частности уровня развития естествознания в XVIII веке, или же в силу сознательного умолчания о некоторых выводах, которые потенциально содержатся в его учении, – в статусе моментов *проблематических*.

2. Трансцендентальная эстетика гибридов?

Зачастую сущности, гипотетическое существование которых предсказывается философами в рамках различных концептуальных построений, имеют современников или предшественников в мире художественных образов, активно эксплуатируемых как в элитарной, так и в массовой культуре. Очевидно, что, несмотря на свою фиктивность, многие из этих сущностей способны дать некоторое наглядное представление о продуктах тех процессов, которые разворачиваются сегодня в областях биоинженерии, генетики, техники и искусства.

Далее мы предпримем небольшой философский эксперимент, целью которого является попытка указать на возможные подходы к описанию способа прегензии, свойственного вымышленной сущности, достаточно успешно сочетающей в себе отдельные черты как латуровского квазиобъекта, включающего и человеческие, и нечеловеческие элементы, или, точнее, объединяющего в своей работе действие множества актантов различной природы, так и классического образа литературы и искусства эпохи романтизма – жертвы эксперимента, поставленного безумным гением. Впрочем, в отличие от эталонного персонажа романтического повествования, современные «чудовища Франкенштейна» далеко не всегда чувствуют себя жертвами: зачастую их гибридная природа скорее дает им преимущество перед аналогичными им «нормальными» существами. Именно в силу своей *ненормальности* (то есть неподчиненности модерному порядку со свойственными ему детерминизмом и иерархией) гибриды оказываются теми сущностями, которые наиболее успешны в деле выживания в условиях стирания идентичностей и акселерации производств различных онтологических уровней.

Итак, обратимся к описанию «Мясного ансамбля» – одной из аномальных сущностей вымышленной вселенной SCP, имеющей номер SCP-1249-RU в реестре объектов, находящихся на содержании мифического Фонда, основной задачей которого является защита привычного порядка нашей вселенной от вторжения представителей или феноменов из чуждых реальностей [13]. «Мясной ансамбль» выглядит как две «экстремально видоизмененные человеческие фигуры», соединенные – посредством модификации двух женских тел – в единую

«композицию». Одна из них держит на руках другую, причем в тех местах, где тела соприкасаются, их кожные покровы сращены. Кроме того, вся «композиция» имеет единую «кровеносную» систему, через которую при помощи специальных механизмов непрерывно пропускается сорокапроцентный раствор формальдегида. Ниже тазового отдела первое тело переходит в «сплетение из восьми корне- или щупальцевидных отростков длиной около метра»; оно помещено в заполненную формальдегидом и запаянную сверху округлую стеклянную колбу. Отростки состоят «из смеси тканей мышечных волокон, кожи, органов брюшной полости и малого таза, а также костей, лишённых неорганической составляющей и поэтому гибких». Передняя часть грудной клетки и стенка живота первого тела удалены, а на месте изъятых внутренних органов находится пульсирующий цветковидный орган, к которому присоединены трубки, представляющие собой рукотворное подобие сосудов. Повсюду по телу (или все же «телам»?) «Ансамбля» рассеяны устройства, подобные компрессорам, обеспечивающие непрерывную циркуляцию формальдегида. Первое тело укреплено изнутри проникающим в его костную структуру жестким металлическим каркасом, существенно ограничивающим его подвижность, второе тело может двигаться относительно свободно, учитывая его связанность с первым, держащим его на руках, телом. Лица обоих тел представляют собой шаблонные театральные маски «комика» (основное, поддерживающее, тело) и «трагика» (поддерживаемое тело) из серебристого металла, намертво спаянные с живой плотью. Под масками нет ничего: ни глаз, ни рта, ни носа; изнутри с ними спаяны отростки цветковидного органа. Кожа обоих основных элементов ансамбля бледная, слегка синюшная. Одежда первого тела – белое платье с широкой юбкой, полностью закрывающей сосуд с формальдегидным раствором, пришитое к телу по всей площади и имеющее вырез на месте его удаленных тканей. Одежда второго – короткое черное платье, а обувь – черные туфли на высоком каблуке. С точки зрения функциональности «Ансамбля» цветковидный орган играет ключевую роль. В момент, когда второе тело прикасается пальцами рук к этому органу, «Ансамбль» издает мелодичные звуки, схожие со звуками фортепиано. Таким образом «Ансамбль» способен воспроизводить сложные музыкальные произведения с мастерством пианиста-виртуоза. Каждая из частей этой композиции из плоти, металла, стекла, ткани и формальдегида обладает сознанием, воспринимает себя как самостоятельного субъекта и способна к осмысленной речи. Ни одна из частей не помнит, кем она была до того, как ее сделали элементом «Мясного ансамбля».

Таков один из возможных вариантов значительно упрощенного представления латуровского квазиобъекта, или гибрида, *in concreto*. Следует заметить, что при всей фантастичности данного образа создание аналогичных сущностей представляет для современной науки и техники не больше проблем, чем, например, достижение человеком планет за пределами Солнечной системы. Здесь достаточно вспомнить об успехах протезирования, когда части тела с успехом заменяются устройствами из пластика и металла, об опытах по пересадке головы, проводившихся на собаках и обезьянах еще в начале прошлого века [14], которые, вне всяких сомнений, рано или поздно будут проведены и на человеке [15] (к слову, с «технической» точки зрения последним, но, по-видимому, вполне преодолимым в обозримом будущем серьезным препятствием здесь остается только явление квадриплегии, возникающее вследствие сложности соединения нервных окончаний головного и спинного мозга).

Перемешанные куски плоти, костей, сухожилий, частично упорядоченные структуры тел, металлические конструкции, ткани, стекло, физиологические и заменяющие их по мере необходимости химические жидкости, натуральные и рукотворные сосуды, языковые коды, символы, значения, смыслы, художественные образы – и все это *в единой сборке*, в одной ав-

тономной сущности. Кроме того, это еще и созданное кем-то произведение искусства, которое, помимо всего прочего, само способно интерпретировать, то есть осуществлять перевод других самостоятельных произведений искусства. Что философия Модерна может сказать о подобной сущности, о присущих ей трансцендентальных формах чувствования, о способе схватывания ею сущностей в ее окружающей среде? Занимает ли она положение субъекта или положение объекта? И насколько успешным может оказаться предприятие по описанию, с одной стороны, ее интерьера, то есть структуры отношений между элементами внутри данной сборки, а с другой – ее экстерьера, или структуры отношений, в которые она вступает с другими автономными актуальными сущностями? Ответы на эти непростые вопросы можно сформулировать, исходя из положений трансцендентального эмпиризма, поскольку критерии традиционной современной эстетики к подобным объектам явно неприложимы. Несмотря на то что А. Бергсон и У. Джеймс наметили подходы к преодолению разрыва, оба остаются привязанными к одному конкретному виду опыта – опыту человеческих существ. Однако и трансцендентальный эмпиризм Уайтхеда вместе с концепциями его философских наследников, таких как Ж. Делёз, Б. Латур и М. Деланда, могут достаточно подробно рассказать только о наиболее *общих* концептуальных основаниях чувствования, разделяемых актуальными сущностями всех типов, в том числе людьми, нечеловеками и гибридами. Делёз, по большому счету, остановил свое движение в этом направлении на указании на некоторые модернистские опыты: как пишет, цитируя «Логику смысла», С. Шавиро, «в “Поминках по Финнегану” Джойса и в “Космосе” Витольда Гомбровича, помимо прочих работ, воссоединяются условия реального опыта и структура произведения искусства» [3, с. 89], [8, с. 339].

Если создание немодерной онтологии – это дело недавнего прошлого и настоящего, то создание частных эстетик, конкретизирующих способы чувствования определенных типов нечеловеческих сущностей, остается, по-видимому, задачей, которую мы вынуждены будем решать в ближайшем будущем. В трансцендентальном эмпиризме Уайтхеда дана общая, или, если угодно, абстрактная схема, описывающая способ функционирования чувствования в объектах, или актуальных сущностях, различных типов. Однако она, эта схема, может выступать только в качестве необходимой пропедевтики для множества эстетик более конкретного порядка. Если вплоть до начала XX века одной-единственной эстетикой, эстетикой *людей*, было вполне достаточно, то в недалеком будущем ситуация, скорее всего, изменится – изменится вместе с трансформацией «нашей» телесности и основанного на ней опыта, и на месте одной появится множество эстетик, каждая из которых будет описывать чувствование отдельного вида модифицированных существ, которые придут на смену людям. Некоторые попытки создания нечеловеческой эстетики уже предпринимаются. Например, такие исследователи, как Ю. Такер, изучающий пределы философии и ужас как состояние, которое наступает вслед за попыткой взглянуть на то, что избегает любых попыток философской концептуализации [16], и Д. Тригг, современный британский философ, цель которого поставить феноменологический метод на службу исследованию опыта переживания от столкновения человека с пределами человеческого [17], рассматривают возможность описания опыта переживания столкновения с нечеловеческим с точки зрения различных философских подходов.

Цитируя одну из работ М. Фуко, С. Шавиро пишет: «Критическое письмо всегда должно быть также и опытом трансформации. Как много лет назад писал Мишель Фуко, “чего стоило бы познание со всем присущим ему упорством, если бы оно должно было обеспечивать всего лишь количественное усвоение знаний и не предполагало бы освобождение – особого рода и в той мере, в какой это возможно, – от автоматизма сознания для того, кто познает?”» [3, с. 12].

В конечном итоге создание эстетики гибридов само по себе должно стать серьезным опытом трансформации, предметом конструктивистской переработки и рекомбинации существующих философских концепций, но никак не поводом для продвижения алармистских лозунгов. Мы чрезмерно привыкли к своему особенному онтологическому статусу – статусу *людей* как сущностей, онтологически над-стоящих над сущностями нечеловеческими. Возможно, только реальное превращение людей в гибридов и сможет наконец избавить нас от этой привычки.

Список литературы

1. Субири Х. О сущности / пер. с исп. Г.В. Вдовиной; Институт философии, теологии и истории св. Фомы. – М., 2009. – 456 с.
2. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д.Я. Калугина. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 240 с.
3. Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / пер. с англ. О.С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 210 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.
5. Whitehead A.N. On Mathematical Concepts of the Material World [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/philtrans01686795/page/n0> (дата обращения: 08.09.2018).
6. Бушуева Т.С. Философия науки А.Н. Уайтхеда: моногр. / Рос. филос. о-во и др. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 96 с.
7. Whitehead A.N. The Concept of Nature. Amherst. – New York: Prometheus Books, 1920/2004. – 224 с.
8. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. Свирского. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с.
9. Whitehead A.N. Process and Reality. – New York: The Free Press, 1929/1978. – 413 p.
10. Манекин Р.В. М. Хайдеггер и А.Н. Уайтхед о пространстве и времени: опыт компаративного анализа [Электронный ресурс]. – URL: <http://manekin.narod.ru/ph/pr-vr.htm#31> (дата обращения: 10.09.2018).
11. Уайтхед А.Н. Процесс и реальность [гл. 1, 10] // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / пер. с англ. А. Грязнова [и др.]. – М.: Прогресс, 1990. – С. 272–303.
12. Hawking S. Brief Answers to the Big Questions. – London, 2018. – 230 p.
13. SCP-1249-RU – Мясной ансамбль [Электронный ресурс]. – URL: <http://scpfoundation.ru/scp-1249-ru> (дата обращения: 16.09.2018).
14. Роуч М. Кадавр: как тело после смерти служит науке / пер. с англ. Т. Мосоловой. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.
15. Canavero S. HEAVEN: The head anastomosis venture Project outline for the first human head transplantation with spinal linkage (GEMINI). Surg Neurol Int. 13-Jun-2013;4. – URL: <http://surgical-neurologyint.com/surgicalint-articles/heaven-the-head-anastomosis-venture-project-outline-for-the-first-human-head-transplantation-with-spinal-linkage-gemini/> (дата обращения: 15.10.2018).
16. Такер Ю. В пыли этой планеты // Такер Ю. Ужас философии: в 3 т. / пер. с англ. А. Иванова. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – Т. 1. – 184 с.
17. Тригг Д. Нечто: Феноменология ужаса / пер. с англ. Я. Цырлиной и Д. Чулакова. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 174 с.

References

1. Zubiri X. O sushchnosti [On Essence]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sviatogo Fomy, 2009, 456 p.
2. Latour B. Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii [We have never been modern. Essay on symmetric anthropology]. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2006, 240 p.
3. Shaviro S. Vne kriteriev: Kant, Whitehead, Deleuze i estetika [Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics]. Perm', Gile Press, 2018, 210 p.
4. Deleuze G., Guattari F. Chto takoe filosofiia? [What is philosophy?]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2009 261 p.
5. Whitehead A.N. On Mathematical Concepts of the Material World, available at: <https://archive.org/details/philtrans01686795/page/n0> (accessed 8 September 2018).
6. Bushueva T.S. Filosofiya nauki [Philosophy of science]. Ekaterinburg, «Bank kul'tur-noi informatsii», 2006, 96 p.
7. Whitehead A.N. The Concept of Nature. Amherst, New York, Prometheus Books, 1920/2004, 224 p.
8. Deleuze G. Logika smysla [The logic of sense]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 413 p.
9. Whitehead A.N. Process and Reality. New York, The Free Press, 1929/1978, 413 p.
10. Manekin R.V. M. Heidegger i A.N. Whitehead o prostranstve i vremeni: opyt komparativnogo analiza [M. Heidegger and A.N. Whitehead about space and time: an essay in comparative analysis], available at: <http://manekin.narod.ru/ph/prvr.htm#31> (accessed 10 September 2018).
11. Whitehead A.N. Protsess i real'nost' [Process and reality]. *Izbrannye raboty po filosofii*. Moscow, Progress, 1990, 717 p.
12. Hawking S. Brief Answers to the Big Questions. London, 2018, 230 p.
13. SCP-1249-RU. Myasnoi ansambl', available at: <http://scpfoundation.ru/scp-1249-ru> (accessed 16 September 2018).
14. Roach M. Kadavr: kak telo posle smerti sluzhit nauke [Stiff: the curious lives of human Cadavers]. Moscow, Eksmo, 2011, 352 p.
15. Canavero S. HEAVEN: The head anastomosis venture Project outline for the first human head transplantation with spinal linkage (GEMINI). *Surg Neurol Int.* 13-Jun-2013;4, available at: <http://surgicalneurologyint.com/surgicalint-articles/heaven-the-head-anastomosis-venture-project-outline-for-the-first-human-head-transplantation-with-spinal-linkage-gemini/> (accessed 15 September 2018).
16. Tacker E. V pyli etoi planety [In the dust of this planet]. Perm', Gile Press, 2017, 184 p.
17. Trigg D. Nechto: fenomenologiya uzhasa [The Thing: a phenomenology of horror]. Perm, Gile Press, 2017, 174 p.

Получено: 20.09.2018

Принято к печати: 20.10.2018